

МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА
СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

**ГОРОДСКИЕ ТЕКСТЫ
И ПРАКТИКИ**

ТОМ I

**СИМВОЛИЧЕСКОЕ
СОПРОТИВЛЕНИЕ**

Составители
Александра Архипова,
Дарья Радченко,
Алексей Титков

Издательский дом «Дело»
Москва 2016

- Вышинский 1937 – *Вышинский А.* Некоторые методы вредительско-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков // О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры: Сборник. М: Партиздат ЦК ВКПБ, 1937.
- Головкова 2009 – *Головкова Л.А.* Сухановская тюрьма. Спецобъект 110. М.: Возвращение, 2009 (Серия «58». Вып. 3).
- История сталинского ГУлага 2004 – История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / Отв. ред. Н. Верг. С. В. Мироненко. Отв. сост. И. А. Зюзина. М.: РОССПЭН, 2004.
- Крамола 2005 – Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982. рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. М.: Материк, 2005.
- Лившин, Орлов 2002 – *Лившин А., Орлов И.* Власть и общество: диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002.
- Общество и власть 1998 – Общество и власть. 1930-е годы. Повествование в документах. М.: РОССПЭН, 1998.
- Общество и власть 2005 – Общество и власть. Российская провинция. 1930 г. – июнь 1941 г. Том 2 / Сост. А.А.Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодкина. М.: Ин-т Российской истории РАН, 2005.
- Рязань 1998 – Рязанская деревня в 1929–30-х годах. Хроника головокружения / Сост. Л. Виола и др. М.: РОССПЭН, 1998.
- Семеновский 1921 – *Семеновский Д.* Современная частушка // Красная новь. 1921. № 1. 53–61.
- Тренин 2004 – Циркуляр прокурора и председателя суда Нарымского округа...от 27 апреля 1937 года // 1936–1937. Конвейер НКВД. Сборник статей и материалов / Сост.-ред. Б.П. Тренин. Томск, 2004.
- Эдельман 1999 – 58-10: Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Аннотированный каталог. Март 1953–1991 / Сост. О.В. Эдельман. М., 1999.
- Юрчак 2014 – *Юрчак А.* Все было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2014.
- Allan, Burrige 2006 – *Allan K., Burrige K.* Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge University Press. 2006.
- Scott 1990 – *Scott J.* Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. Yale University Press, 1990.

МЕЖДУ СКРЫТЫМ И ПУБЛИЧНЫМ: ПРОТЕСТ В ПОСЛЕВОЕННОМ СССР¹

Дмитрий Козлов

Исследователи советского общества 1940–1950-х годов, говоря о высказывавшемся в тот период несогласии с политическим режимом, как правило, придерживаются точки зрения, наиболее кратко выраженной в статье историка Роберта Хорнсби, который вслед за советологом Маршаллом Шацем отметил, что в 1950-х «отдельные личности редко поднимались над толпой и [в отличие от диссидентов 1960–1970-х] не обрели международного статуса» [Hornsby 2009: 163]. Поэтому традиция изучения советского инакомыслия, складывавшаяся с 1970-х, в первую очередь в странах Запада, уделяла главное внимание правозащитному движению [Алексеева 1992; Вессе 2015; Rubenstein 1985].

Диссиденты vs «народный протест». Долгое время диссиденты 1960–1980-х позиционировались как главные представители политической оппозиции в Советском Союзе, и период до середины 1960-х, таким образом, становился своего рода «доисторическим временем». В результате в современной (особенно западной) историографии для характеристики инакомыслящих 1940–1950-х годов все чаще применяется термин «прото-диссиденты». Эта идея настолько укоренена в историографии независимого общественного движения в СССР и в мемуарах его представителей, что ее можно считать одной из базовых для внутренней мифологии советских диссидентов. Так, составительница сборника материалов о поэтических чтениях на площади Маяковского в 1950–1960-х Людмила Поликовская (сама – активная участница неофициальной московской общественной жизни) красноречиво назвала свою работу «Мы предчувствие, предтеча», охарактеризовав тем самым события конца 1950-х как некий пролог к будущим, более важным процессам [Поликовская 1996].

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Сравнительные протестные выступления на советском и постсоветском пространстве», организованного Центром изучения Восточной Европы при Университете Бремена при финансовой поддержке Фонда Фольксваген (Volkswagen Stiftung).

Альтернативой «диссидентоцентристской историографии» постепенно стали исследования «народного протеста» или «крамола» – массовых протестных акций, с разной степенью интенсивности возникавших на протяжении всей советской истории [Козлов 2010; Кулевиц 2009; Крамола 2005]. Диссидентское движение, с этой точки зрения – не более чем тонкая пленка на «бульоне оппозиционности», вкус которому придают стихийные акции «простых людей» (от пьяной ругани и анонимных писем в органы власти до массовых беспорядков) [Крамола 2005: 100]. Случаи индивидуального протеста, базирующегося на той или иной идеологии, хотя и фиксируются авторами, представляются хаотичными и безрезультатными.

Так или иначе, события «прото-диссидентской» истории теряются на фоне героического сопротивления диссидентов 1960–1980-х и массовых протестов времен Перестройки. Однако для более объективного анализа общественной жизни СССР необходимо не только расслышать в «крамольном» хоре отдельные голоса, но и попытаться понять тех, кто до сих пор считался «предчувствием, предтечей».

Обе историографические традиции – «диссидентоцентризм» и изучение «народного протеста» – во многом определяются источниками, на которые опираются исследователи. Это, с одной стороны, тексты, созданные советскими правозащитниками 1960–1980-х, многие из которых оставили и исследовательские работы. Не так важно, героизируют ли они собственный опыт или пытаются отстраненно его анализировать: как правило, они не выходят хронологически за пределы активной публичной деятельности. Даже в подробных мемуарах, охватывающих практически весь жизненный путь авторов, события 1940–1950-х (особенно те, что произошли до 1956 года) рассматриваются как пролог к «взрослой» биографии [Алексеева 2005; Буковский 1990; Вайль 2005].

Данные же о «крамоле» почерпнуты исследователями, в большей степени, из вторичных документов контролирующих органов: надзорные производства Прокуратуры СССР [Козлов 2010; Крамола 2005] и аналитические записки, поступающие в ЦК КПСС [Аксютин 2004]. Иными словами, из документов, уже содержащих в себе маркирование различных фактов публичных выступлений (акции студенческой солидарности, нетрезвые высказывания, подростковая игра) как антисоветских, а значит – направленных против политического режима.

«Прото-диссидентский» период истории независимой общественной жизни в СССР, как правило, прочно ассоциируется с практиками подпольной борьбы как доминирующим способом сопротивления режиму [Новиченко 2009]. Некоторые авторы противопоставляют подпольщиков 1940–1950-х (вдохновленных опытом народнических и социалистических организаций XIX – начала XX веков) правозащитникам последующих десятилетий, избравшим в качестве основных публичные формы протеста (подписные кампании, личные обращения в органы власти и зарубежные СМИ, редкие правозащитные демонстрации). Уже отмечалось, что представление о соотношении подпольного и публичного протеста как о двух последовательных фазах общественного движения не вполне корректно. В этой статье я хотел бы обратить внимание на то, что публичный протест не возникает из ниоткуда в середине 1960-х годов (равно как идеи подпольного сопротивления не исчезают с появлением правозащитных ассоциаций), однако публичные акции 1940–1950-х несколько отличаются от протестных практик следующих десятилетий.

Нарушение монополии на публичное высказывание. Безусловно, невозможно назвать какой бы то ни было сегмент советского общественного пространства публичным в том плане, в котором понимала публичную сферу Ханна Арендт (пространство открытого и свободного (подлинно политического) взаимодействия между индивидами)². В несколько модифицированном виде ее идеи легли в основу объяснительной модели советской публичности, предложенной петербургским социологом Виктором Воронковым. Он предлагает использовать для анализа позднего советского общества не оппозицию «приватное/публичное», а трехчастную конструкцию «сфера приватного – сфера официальной публичности – приватно-публичная сфера». Эта схема, по мнению Воронкова, позволяет описать некоторые механизмы взаимодействия официальной культуры и андеграунда, понять принципы диссидентского протеста. С ее помощью можно, избегая ярлыков «(нон)конформизм», «фронда», «лояльность», описать логику многих поступков поколения шестидесятников [Воронков 2005 : 192–195].

² Впрочем, в чистом виде оппозиция «приватное/публичное (политическое)» не распространялась Арендт на массовые общества Нового времени, где подлинно-публичная (политическая) и приватная сферы отмирают под давлением разрастающейся сферы социального [Арендт 2000: 78–79].

Особенностью протестных акций 1940–1950-х годов можно считать факт их реализации скорее в сфере публичного, то есть в той части советского официального пространства, где взаимодействие между индивидами происходило в рамках официальных институтов и регламентировалось их формализованными и неформальными правилами (уставными документами, с одной стороны, и неписаными нормами, с другой). Значительную часть этих норм составляли механизмы горизонтального и вертикального контроля и подавления, а также ритуалы демонстрации лояльности официальной идеологии.

Хотя мы соглашаемся с этими характеристиками советской официальной публичности, необходимо отметить два ее свойства.

Во-первых, она была иерархично организована, и интенсивность контроля, подавления и требований демонстрации лояльности на разных ее уровнях была различной. То, что было допустимо на уровне собрания курсовой ячейки ВЛКСМ, было невозможно на уровне городской комсомольской конференции, и наоборот. Но в то же время иерархичность официальной публичности являлась залогом ее стабильности и самообновляемости – если горизонтальные механизмы контроля переставали работать, достаточно скоро включались вертикальные.

Во-вторых, при всей ригидности и, в большой степени, ритуальной идеологизированности, в советскую официальную публичность была вмонтирована потенциально возможность *подлинно политического* (по Ханне Арендт) действия. Партийная, комсомольская и советская активность наследовала первым советам и дореволюционным партийным организациям (причем не только большевистским), рассчитанным на прямое и равноправное участие всех вовлеченных в их деятельность индивидов. Это родство обеспечивалось, в большей мере, культурной памятью о революционном прошлом, запечатленной в исторических и художественных текстах.

Поэтому призывы к усилению критики и самокритики, возвращению к ленинским нормам партийной демократии, развитию низовой инициативы, прозвучавшие на XX съезде КПСС, нашли широкий отклик среди советских граждан. На партийных и комсомольских собраниях наряду со словами поддержки линии партии повсеместно звучала критика формализма, бюрократичности и пассивности низовых партийных организаций. Так, секретарь комсомольского бюро филологического факультета Ленинградского

государственного университета Евгений Козлов на комсомольской конференции ЛГУ осенью 1956 г. требовал от комсомольских организаций университета открытости к критике:

Мы должны добиться открытого, свободного обмена мыслями и не проводить линии на зажим открытой и свободной критики <...> а у некоторых наших товарищей, в некоторых комсомольских бюро и в самом комитете эта тенденция имеется. Нам надо шире привлекать к дискуссиям, которые мы организуем, наши факультетские организации. К сожалению, до сих пор наши факультетские организации слабо этим занимаются (аплодисменты) [ЦГАИПД СПб. Ф. К-141. Оп. 3. Д. 160].

Положение комсомольских организаций, собрания которых использовались как платформа для критики, крайне важно для понимания механизмов советской официальной публичности. С одной стороны, демократические формы управления, самокритика и критика, в том числе, и вышестоящих инстанций приветствовались и поощрялись. Однако помимо собственно комсомольской иерархии каждая организация находилась еще и под партийным контролем. За редким исключением, попытки добиться больших полномочий в решении внутренних проблем, пресекались сверху. С другой стороны, любая комсомольская организация имела мощный ресурс самодисциплины и многие инициативы гасились еще «в первом чтении» [Хархордин 2002].

Так, комсомольцы Ленинградского университета, аплодировавшие в 1956 году Евгению Козлову, а также выступавшим после него студентам философского факультета Михаилу Молоствову и Николаю Солохину, в 1957 году всерьез предлагали провести чистку комсомола ЛГУ от пассивных членов и от «демагогов», как называли тех, кто используя партийную риторику, критиковал советский режим. Инициатива чистки была пресечена представителями КПСС, присутствовавшими на конференции:

...Товарищи, у нас чистки быть не может. Чистка проводится тогда, когда имеется серьезная социальная основа для враждебных взглядов, когда есть буржуазная партия. Такая чистка в свое время проводилась у нас в партии, и проводится в наст время в странах социалистического лагеря. В Польше будут проводить чистку партии. У нас же оснований для чистки в комсомоле нет. [ЦГАИПД СПб. Ф. К-141. Оп. 3. Д. 177. Л. 59].

До конца не ясно, чем именно руководствовался секретарь Василеостровского райкома партии, охлаждая пыл комсомольцев: желанием предотвратить неоправданные репрессии или боязнью потерять контроль над комсомольской организацией главного учебного заведения Ленинграда. Важнее то, что он постулировал принципиальную невозможность дискуссии на политические темы, поскольку для нее в бесклассовом советском обществе, чьи интересы монополю выражала КПСС, отсутствовала социальная основа. Таким образом, любое альтернативное политическое высказывание (или высказывание, маркированное как политическое) объявлялось немотивированным («демагогическим»), а его автор, если не признавал свои взгляды ошибочными, тем или иным образом изолировался от «здорового» коллектива.

В 1958 г. Молоствов, Солохин и Козлов, к тому времени уже окончившие университет, были арестованы как участники антисоветской организации [58/10 1999: 480]. Описание их «преступной деятельности» содержало и обвинения в демагогических выступлениях на комсомольских собраниях. Главной же причиной ареста было обсуждение теоретической работы *Status Quo*, которую написал и разослал своим друзьям Михаил Молоствов. Машинописный доклад содержал критику советской политической и экономической системы как госкапиталистической.

Подобные идеи были достаточно популярны среди студенческой молодежи в 1956–1958 гг. Авторы рукописных трактатов и организаторы домашних семинаров вдохновлялись ранними работами Маркса, классическим трудом Ленина «Государство и революция», статьями восточноевропейских коммунистов, а также опытом создания рабочих советов в Польше и Югославии и независимых молодежных групп в Венгрии. Помимо критических программ (как правило, достаточно декларативных) при разговоре об этих инициативах важно понимать их стремление к созданию автономных организаций по принципу советов или революционных ячеек. Деятельность этих молодежных групп, таким образом, представляла собой утопию политического – создав независимую общественную организацию, ее участники стремились, пусть и безуспешно, более широко распространить опыт свободного политического общения и самоуправления.

Как правило, подобные группы ограничивались внутренними дискуссиями на политические темы и обсуждением политико-экономических работ. Переход от подпольного существования к публичному протесту насильственно прерывался после попыток размножения и распространения листовок с критикой советского строя и призывами к самоорганизации. Так, в ноябре 1956 г. в Ленинградском университете и Ленинградском педагогическом институте были разбросаны листовки следующего содержания:

*... Диктатура Сталина похоронила свободу.
Исчезла политическая активность народа, на место свободного слова пришли молчание и шепот.
Народ не может говорить свободно о политике правительства, не боясь раслаты.
Поднять политическую активность. Возродить ленинскую свободу – наша задача.
Друзья! Под знаменем ленинизма уничтожим оковы политического бюрократизма. [Крамола 2005: 351–352]*

Листовка, за исключением слов в поддержку Венгерского восстания и выступлений рабочих в Польше летом 1956 г., повторяла и развивала положения XX съезда КПСС. Тем не менее по делу «Союза коммунистов-ленинцев» (так называли себя молодые люди, распространявшие эти листовки) было осуждено шесть человек.

Размножение листовок было важным шагом не только по распространению альтернативных политических идей, но и по расширению пространства публичности. Если аудитории официальных собраний подразумевали хоть и неравноправный и регулируемый диалог, в общественном пространстве советских городов мог звучать только один голос. Автором любых лозунгов, плакатов, информационных и рекламных надписей были государственные органы. Расклейка листовок или нанесение граффити на стены нарушало установленный порядок односторонней коммуникации. Перед нами – нарушение монополии на высказывания такого типа. Наиболее известные граффити-акции в Ленинграде произошли в конце 1970-х, когда художники Юлий Рыбаков и Олег Волков написали политические лозунги на стенах Петропавловской крепости и на ленинградских трамваях [Рыбаков 2010: 215–216; 231–236]. Тем не менее известно как минимум одно более раннее граффити 1950-х – фраза «Да здравствует Па-

стернак!», написанная ленинградскими поэтами Леонидом Виноградовым, Михаилом Ереминым и Владимиром Уфляндом на ограде Летнего сада в 1958 г. после присуждения поэту Нобелевской премии по литературе [Ерёмин, Уфлянд, Кукулин 2005].

Гораздо более серьезным расширением публичности были редкие несанкционированные митинги и демонстрации. Так, в декабре 1956 г. молодые ленинградцы, желавшие посетить выставку живописи Пабло Пикассо в Эрмитаже и обсудить увиденное, собрались на площади Искусств и были разогнаны силами милиции [Вайль 1980: 141–145], [Трофименков 1990]. В пасхальные дни 1964 г. группа альпинистов, возвращавшихся с восхождения на Малые скалы, прошла от Финляндского вокзала до Дворцовой площади под лозунгами «С нами крестная сила и ВЦСПС», «Христос Воскрес, ну, и Бог с ним» [Из истории]. Обе эти демонстрации не имели протестного содержания, но были пресечены органами охраны правопорядка именно потому, что нарушали принятый режим коммуникации, подразумевавший наличие лишь одного говорящего в публичной сфере.

Вторичность содержания по отношению к форме публичной акции еще более заметна на примере ленинградского поэта Михаила Красильникова, задержанного на ноябрьской демонстрации 1956 года и позднее приговоренного к четырем годам лишения свободы [58/10 1999: 324]. Он был обвинен в выкрикивании лозунгов в поддержку подавленного несколькими днями ранее Будапештского восстания, однако ряд мемуаристов, знавших Красильникова лично, утверждают, что часть лозунгов, хотя и была связана с актуальными политическими событиями (Венгерское восстание и Суэцкий кризис), звучала нарочито иронично и отчасти саморазоблачительно. Так, помимо лозунга «Да здравствует свободная Венгрия!» Красильникову приписывается фраза: «Да здравствует кровавая клика Имре Надя!». Последний лозунг по своему содержанию нельзя назвать ни про-, ни антивенгерским, поскольку имя венгерского премьер-министра «вмонтировано» в штамп советской пропаганды, использовавшийся в начале 1950-х по отношению к лидерам социалистической Югославии («кровавая клика Тито–Ранковича»). Можно согласиться с Натальей Горбаневской, предлагающей интерпретировать поступок Красильникова не как политическую, а как художественную акцию, деконструировавшую язык советской пропаганды [Горбаневская 2004]. «Хэппенинг» Красильникова (желал тот того или нет) демонстрировал, что в идеологизированном совет-

ском дискурсе любая фраза может обрести политическое звучание, а поскольку официальное публичное пространство не предполагает плюрализма политических высказываний, эта фраза будет интерпретирована как антисоветская пропаганда. В этом прочтении приписываемые Красильникову лозунги «Утопить Насера в Суэцком канале!» и «Бен-Гуриона – в Нил!» совсем не противоречат друг другу³.

Таким образом, разные протестные акции 1940–1950-х годов объединяло стремление к нарушению монополии на высказывание, желание создать высказывание в рамках институтов и пространств официальной публичности, которая предполагала возможность потенциально свободного политического действия. Эта уверенность базировалась на декларировавшейся властью поддержке общественных инициатив и призывах к усилению критики и самокритики.

Однако на практике любое высказывание, не санкционированное официальными институтами, маркировалось как политическое и оппозиционное и влекло за собой репрессии по отношению к высказывавшемуся. Уже к концу 1950-х годов ужесточение репрессий и, с другой стороны, поощрение санкционированных неполитических общественных инициатив привели к тому, что на долгое время публичные акции с прямым протестным содержанием уступили место другим формам протеста и сопротивления советскому режиму.

Литература

- Аксютин 2004 – Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004.
- Алексеева 1992 – Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: новейший период. М.: Вильнюс: Вест, 1992.
- Алексеева 2006 – Алексеева Л.М., Гольдберг П. Поколение «оттепели». М.: Захаров, 2006.
- Арендт 2000 – Арендт Х. Vita activa или о деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Библихина. СПб.: Алетейя, 2010.
- Британишский 1995 – Британишский В.К. Студенческое поэтическое движение в Ленинграде в начале оттепели // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 167–180.

³ Осенью 1956 г., в ответ на национализацию Египтом Суэцкого канала, вооруженные силы Израиля при поддержке Франции и Великобритании оккупировали Синайский полуостров. Разные мемуаристы приписывают Красильникову «призывы к расправе» над премьер-министрами враждующих государств, Гамалем Абделем Насером (Египет) и Давидом Бен-Гурионом (Израиль).

- Буковский 1990 – *Буковский В.К.* «И возвращается ветер...»: Письма русского путешественника. М.: ИПФ «Оригинал», 1990.
- Вайль 1980 – *Вайль Б.Б.* Особо опасный. London: Overseas publications interchange, 1980.
- Весье 2015 – *Весье С.* За вашу и нашу свободу. Диссидентское движение в России. М.: НЛЮ, 2015.
- Воронков 2005 – *Воронков В.М.* Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: НЛЮ, 2005. С. 168–200.
- Горбаневская 2004 – *Горбаневская Н.Е.* Ахматова, Бродский и все остальные... Статьи о поэзии // Новая камера хранения. URL: http://www.newkamera.de/gor/gor_01.html (дата обращения 20.10.2016).
- Еремин, Уфлянд, Кукулин 2005 – *Еремин М.Ф., Уфлянд В.Н., Кукулин И.В.* Могучая питерская хворь // Новое литературное обозрение. 2005. № 71.
- Из истории – Из истории Ленинградских скал (1953–1964). По материалам С.М. Короткова // Интернет-сайт Клуба альпинистов «Санкт-Петербург» URL: <http://www.alpklubspb.ru/ass/a459.htm> (дата обращения 20.10.2016).
- Козлов 2010 – *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). М.: РОССПЭН, 2010.
- Крамола 2005 – *Крамола:* Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / Сост. В.А. Козлов, О.В. Эдельман, Э.Ю. Завадская. М.: Материк, 2005.
- Кулевиг 2009 – *Кулевиг Э.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М.: АИРО-XXI, 2009.
- Новиченко 2009 – *Новиченко И.Ю.* Советская власть и неформальные объединения граждан // Социальная история. Ежегодник. 2008. СПб.: Алетейя, 2009. С. 164–187.
- Поликовская 1996 – *Поликовская Л.В.* «Мы предчувствие, предтеча...»: Площадь Маяковского 1958–1965. М.: Звенья, 1996.
- 58/10 1999 – 58/10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог / Под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко; сост. О.В. Эдельман. М.: Международный фонд «Демократия», 1999.
- Рыбаков 2010 – *Рыбаков Ю.А.* Мой век. Историко-биографические заметки. Часть I. СПб.: ДЕАН, 2010.
- Трофименков 1990 – *Трофименков М.* «Маленький Будапешт» на площади Искусств // Смена. 1990. 26 января.
- Хархордин 2002 – *Хархордин О.В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002.
- Hornsby 2009 – *Hornsby R.* Voicing discontent. Political dissent from the Secret Speech to Khrushchev's ouster // Soviet State and Society under Nikita Khrushchev / Ed. by M. Ilic, J. Smith. London; New York: Routledge, 2009. P. 162–180.
- Rubenstein 1985 – *Rubenstein J.* Soviet Dissidents: Their Struggle for Human Rights. Boston: Beacon press, 1985.

КОГДА ИДЕОЛОГИЯ РАБОТАЕТ НАОБОРОТ: СТУДЕНЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ В ОТТЕПЕЛЬНОМ СССР

Олег Журавлёв

Современную российскую ситуацию деполитизации и авторитаризма часто сравнивают с советской, когда низовая «политика» была под запретом, в результате чего несогласным оставалось перемещаться в более «аполитичные» сферы «неофициальной культуры» или же сужать масштаб протестного действия до «символического сопротивления». Я хотел бы выделить в советском опыте примеры противоположного рода: случаи молодежных и студенческих протестов 1940-х – 1960-х годов с явным политическим содержанием. В этих случаях протестная политизация происходила, парадоксальным образом, *не вопреки, а вследствие воздействия государственных институтов* на граждан.

Таковыми примерами служат подпольные организации школьников конца 1940-х – середины 1950-х годов и студенческий протест на физическом факультете МГУ в начале 1950-х годов (основной предмет моего внимания в этой статье). В анализе последнего случая я буду опираться на анализ интервью¹ с участниками событий, собранных мной в 2008–2010 гг., и документов Центрального архива общественно-политической истории Москвы (далее в статье – ЦАОПИМ).

Идеологическое воздействие и подпольные организации школьников. Противопоставляя марксистскую науку идеологии, Л. Альтюссер утверждал, что революционная субъективность может быть сформирована лишь вне «идеологических аппаратов государства», принуждающих к лояльности политическому порядку и капиталистическому обществу. Однако может ли формирование протестной политической субъективности происходить внутри идеологических аппаратов, если они, пусть и ритуально, обращаются к революционной традиции? Я попытаюсь ответить

¹ Все интервью, цитируемые в статье, записаны автором статьи.